

ОСНОВИНА Галина Алексеевна —

кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка МПГУ

«ТАК НАПИСАТЬ МОГ ТОЛЬКО ИСТИННЫЙ ПОЭТ, ЖИВШИЙ БОЛЬЮ СВОЕЙ ЭПОХИ»

О СТИХОТВОРЕНИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА «ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ»

Стихотворение Н.Рубцова «Видения на холме» было написано в 1960 году. Ныне оно прочно вошло в сокровищницу русской классики, включается в программы школьного изучения.

«Самый, пожалуй, неоспоримый признак истинной поэзии, — пишет В.Кожин, — ее способность вызвать ощущение самородности, нерукотворности, безначальности стиха... Лучшие стихи Н.Рубцова обладают этим редким свойством»¹. Тем интереснее (и насущнее) представляется попытка проникнуть в секреты «обманчивой простоты рубцовской лирики».

Николай Рубцов постоянно перерабатывал, шлифовал свои стихи, стремясь улучшить даже те, которые уже отдал в печать, не исключая и редакторская правка. Отсюда нередки разночтения его стихотворений в разных изданиях. Такова судьба и стихотворения «Видения на холме».

Для анализа был выбран текст стихотворения, опубликованный при жизни поэта в сборнике «Звезда полей» (М.: Советский писатель, 1967).

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм

и упаду

в траву.

И древностью повеет вдруг из дола!

И вдруг картины грозного раздора

Я в этот миг увижу наяву.

Пустынный свет на звездных берегах

И вереницы птиц твоих, Россия,

Затмит на миг

В крови и в жемчугах

Тупой башмак скуластого Батыя.

Россия, Русь — куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы,

Люблю твои избушки и цветы,

И небеса, горящие от зноя,

И шепот ив у омутной воды,

Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Смотри, опять в леса твои и доли

Со всех сторон нагрянули они,

Иных времен татары и монголы.

Они несут на флагах черный крест,

Они крестами небо закрестили,

И не леса мне видятся окрест,

А лес крестов

в окрестностях

России.

Кресты, кресты...

Я больше не могу!

Я резко отниму от глаз ладони

И вдруг увижу: смирно на лугу

Траву жуют стреноженные кони.

Заржут они — и где-то у осин

Подхватит эхо медленное ржанье,

И надо мной —

бессмертных звезд Руси,

Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

Главным содержанием поэзии Николая Рубцова была любовь к Родине, ее истории, жгучая, кровная связь с природой и людьми, причем — не только русскими людьми, но со всеми «тревожными жителями Земли».

Рубцову было свойственно глубочайшее чувство исторического прошлого. В стихотворении «Видения на холме» оно выразилось наиболее полно. Прошлое здесь раскрывается в современном, настоящем, получает обратную перспективу. Поэт глубоко осознает и выражает целым рядом художественных средств связи исторических событий прошлого и настоящего, провидя возможное будущее. Ради этого, думается, и были внесены им существенные изменения в первоначальный текст стихотворения.

Заменено было прежде всего заглавие: вместо прежнего «Видение в долине» появилось новое — «Видения на холме». Единственное число существительного *видение* мало соответствовало цепи грозных событий, оживших в сознании лирического героя: «картины грозного раздора», татаро-монгольское нашествие, затмившее «свет на звездных берегах», другие «страдания и битвы» (о них живо напоминает многоточие в конце первой строфы), вызывающие у лирического героя Рубцова горестно-сочувственную любовь к Родине, родной старине.

Почему «Видения на холме», а не «в долине»? На этот вопрос убедительно отвечает один из исследователей творчества поэта: «Казалось бы, холм за деревенской околицей — не такая уж большая высота, но с нее поэту видна вся Родина — не в пространственном, а в историческом, во временном плане, вплоть до татаро-монгольского нашествия, принесшего Руси столько горя». Холмы воспринимались поэтом как своеобразные следы истории народа (см., например, его стихотворение «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»). Да и то верно, пожалуй, что «долина — удлиненная впадина вдоль речного русла, среди гор» — не могла дать нужного простора воображению лирического героя. Отметим попутно исключительно удачное введение в текст стихотворения устарелого синонима *дол* («И древностью повеет вдруг из дола»). Это слово сопряжено с существительным *древность* не только своей «устарелостью». Они опосредованно связаны и общими значениями «глубь», «глубокий»: *дол* — впадина, углубление; *древность* — далекое прошлое, ушедшее в *глубь* времен. Таким образом, традиционно-поэтическое *дол* органично вписывается в контекст и в идейно-художественном плане представляется наиболее точным и даже единственно возможным.

Перерабатывая текст стихотворения, Рубцов сокращает строчки, излишне детализирующие картины нашествия Орды на Русь, обобщив их выразительным, развернутым образом-символом:

*Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя.*

В результате вместо выпущенных строк «Засвищут стрелы, будто наяву, / Блеснет в глаза кривым ножом монгола!», которые и теперь воспроизводятся в некоторых изданиях, в «авторизованном» тексте читаем: «И вдруг картины грозного раздора / Я в этот миг увижу наяву».

Последняя редакция носит глубоко принципиальный характер. Строка «Картины грозного раздора» совершенно недвусмысленно напоминает о внутренних междоусобных распрях, ослабивших Русскую землю, и — шире — о растущих распрях между населяющими Землю народами. В многозначном прилагательном *грозный* актуализируется значение «грозящий бедой, гибелью». В результате историческая картина прошлого приобретает более объективный характер и внутренне мотивирует страстное обращение поэта к Родине: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» Эти пронзительные, тревожные строки захватывают и читателя, заставляя проникнуться тем же чувством глубокой тревоги за судьбы родной страны...

Страна... А есть ли это слово в рубцовском поэтическом словаре? Есть, но случаи его употребления очень редки. В небольшом по объему стихотворении дважды употребляет поэт сочетание синонимичных *Россия, Русь*, явно не желая поступиться тем важным для него, чем разнятся эти синонимы.

Россия в поэзии Рубцова — это Родина, то есть родная страна со своей территорией и государственностью. Сравним в позднее написанном стихотворении: «Россия — родина моя! Как под твоей мне радостно листою!..»

Русь для него не только территориальное, но и еще очень емкое понятие из области духовно-нравственной. Русь — это Россия, ее народ с его высокой духовной и нравственной культурой, воплотившейся в пес-

нях, сказках («Таковы на лесной Руси / Сказки бабушки»), в архитектуре «удивительных белоколонных» храмов и церквей; это и «старинная русская самобытность», в которой поэт находил «много прекрасного, поэтического»; это и история земли русской со всеми ее «страданиями и битвами», и «светлый покой родимой земли».

Вот почему вторая строфа стихотворения «Видения на холме», содержащая страстное признание поэта в его «непобедимой любви» к Родине, в любви «навек, до вечного покоя», открывается стоящими рядом, но синтаксически и содержательно не однозначными «Россия, Русь».

Россия здесь — поэтическое обращение к Родине, что подтверждается употреблением местоимения 2-го лица в последующих строчках:

*За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы...*

А вот *Русь* воспринимается в этом случае как синтаксически самостоятельное назывное предложение (в составе сложного). Об этом свидетель-

жающему: избушкам, цветам, скользит по «небесам, горящим от зноя», и снова обращается к земному, привлеченный «шепотом ив у омутной воды». Перечисление не закончено, повторяющийся союз и не замыкает ряда, беря на себя роль эмоционально-усилительной частицы.

Это признание, обращенное к России-Родине, звучит непринужденно, искренне и в высшей степени взволнованно. Повтор местоимения *твоя, твою* и т. д., трижды повторенное *люблю*, градация в ряду однородных обстоятельств: *навек* (то есть навсегда), *до вечного покоя* (то есть до конца жизни) — сообщают этому монологу-признанию предельную степень эмоционального напряжения.

Близкое, но разнящееся содержание понятий *Россия* и *Русь* побудило поэта поставить их рядом (через запятую, потому что близки) в начале третьей строфы: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» Здесь они естественно воспринимаются как два эмоционально окрашенных обращения (не случаен восклицательный знак после них), предваряющих страстную мольбу-закливание поэта о сохранении всего самого дорогого, что знаменуют для него эти слова.

Эмоциональное напряжение не спадает и в этой строфе, ибо продолжают тяжелые видения: в памяти лирического героя всплывают другие «страдания и битвы». Отвлекаясь от исторической конкретики, в этой строфе поэт прибегает к приему метафорического переноса: факты древней истории становятся символом трагических событий «иных времен»: «...со всех сторон нагрянули они, / Иных времен татары и монголь». История повторяется, с той лишь разницей, что на этот раз уже не «тупой башмак скуластого Батюга», а черные кресты на флагах «небо закрестили». Эпитеты *тупой, черный* в контексте приобретают дополнительные коннотативные значения: *тупой* — «бессмысленно жестокий», *черный* — «зловещий».

При описании этой новой беды Рубцов пользуется приемом звукописи, нередким в его поэзии. Так, и в анализируемом стихотворении, в его начальной строке, наблюдаются повторы гласных *а, у*, гармонирующие стих: «Взбегу на холм и упаду в траву». Выразительна звукопись второй и третьей строк: «...древностью повеет вдруг из дола! / И вдруг картины грозного раздора / Я в этот миг увижу наяву». Смысловая значимость сочетаний согласных *др, вдр, вдр, грз, рздр* нарастает постепенно, достигая высшей точки в последнем, позиционно и логически ударном слове строки, дополнительно акцентируя его и в целом создавая выразительный слуховой образ. При этом звуковые повторы, даже самые насыщенные, никогда не нарушают предельной естественности рубцовских строк (об этом пишет и В.Кожин). Именно поэтому столь сильное впечатление производит вторая часть третьей строфы с нарочитым на первый взгляд звуковым оформлением:

Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов

в окрестностях

России.

Кресты, кресты...

В звукописи, рожденной повторением корня *крест*, звукописи насыщенной, которая усиливает ощущение ритмичности, в самом ритмическом рисунке этой части строфы явно слышится мерный, хрустящий (как бы по обломкам развалин) марш неприятельских колонн. Картина, созданная поэтическим словом, вызывает в памяти не только полные трагизма музыкальные образы известной Седьмой симфонии Д.Шостаковича, но живо напоминает и другую, столь же впечатляющую, — картину Константина Васильева «Нашествие». Художник, как и поэт, предельно лаконичен в использовании выразительно-образительных средств, стремясь подчеркнуть основную мысль произведения — глубокую тревогу о судьбах России. Изображенное Константином Васильевым «нашествие», лишенное каких-либо конкретизирующих, «опознавательных» деталей, предстает одинаково страшным на все времена и для всех народов.

Но... всмотримся внимательнее в строки Николая Рубцова. «Они крестами небо закрестили» — вспоминается летописное «И тма землю объяла...». А дальше — «лес крестов в окрестностях России», то есть «закрестили», покрыли черными крестами не только небо, но и землю. Здесь высвечивается уже иной смысл образа, связанный с другим значением слова *крест*, со значением «символ и предмет христианского

стует пунктуационное оформление фразы: «Россия, Русь — куда я ни взгляну...», то есть «всюду Русь», всюду то, что так дорого поэту и что не укладывается в понятие «Россия», не исчерпывается им. Заметим кстати, что разбивка на две строки («Россия, Русь — / Куда я ни взгляну...»), которая наблюдается в некоторых изданиях, «позиционно» сближает «Русь» с обращением «Россия», в то время как не соответствующая случаю пунктуация (отсутствие запятой или восклицательного знака, логичных при обращении и наличии тире) как-то обесмысливает и следующее прерванное предложение, с какой-то мнимой значительностью выделенное в особую строку.

Удивительно изящно и тонко, психологически достоверно построен однородный ряд любимых поэтом предметов и картин, ряд, раскрывающий конкретное содержание заявленного в общем плане «Русь — куда я ни взгляну...». Перед мысленным взором лирического героя возникает русская старина, «леса достославные», погосты, ассоциативно вызывающие воспоминания о молитвах (в старину погост — это церковь в стороне от села с прилегающим участком и кладбищем). Ряд зрительно воспринимаемых предметов нарушен словом «молитвы», передавая живую естественность мысли. Но тут же взгляд поэта возвращается к окру-

культы. Могильный крест». Но не тот, что венчает естественный конец жизни христианина. «Каждому на Руси / Памятник — добрый крест» — это у Рубцова со светлой печалью о мирно усопших... Но когда это даже не кресты, а лес крестов — сильная, впечатляющая, особенно в этом сочетании, метафора, многожды усиленная повтором «Кресты, кресты...», образующий незакрытый ряд (многоточие в конце), — это уже горький знак жестоких, гибельных последствий «грозного раздора» народов.

Не только звуковая форма обусловила появление в звукописном ряде существительного *окрестность*, то есть «местность, прилегающая к чему-либо». Это существительное интересно тем, что степень протяженности обозначенного им пространства зависит в известной мере от предметно-пространственного значения определяемого существительного. Поэтому *окрестность озера, города*, например, далеко не то же, что *окрестность России*.

Не безразлична к тому же для содержания текста и форма числа этого существительного. И дело не только в том, что «в окрестности» — предложный падеж единственного числа — в современном речевом употреблении часто функционирует в значении предлога с родительным падежом — «недалеко от, близ чего-нибудь» (см. СОШ). Это «недалеко, близ» (но все же *вне России*) делало бы не столь убедительной тревожную напряженность внутреннего состояния лирического героя.

Между тем форма множественного числа (в *окрестностях России*) оказывается исключительной важной в смысловом плане: она подчеркивает обширность, а по существу безграничность пространства, охваченного бедой: «...лес крестов в окрестностях России», то есть по всей России. Создается образ необычайной силы обобщения. И тревога за судьбу Родины совершенно естественно перерастает в стихотворении Рубцова в боль за судьбу мира на всей планете Земля².

Надо заметить, что тревога за судьбу Родины и Мира звучит в целом ряде других произведений Николая Рубцова (см., например, его стихотворения «Русский огонек», «Шумит Катунь», «Поезд» и др.) и по сути является сквозным мотивом его поэзии... Но вернемся к тексту.

Звукопись, ломаная структура последней строки третьей строфы, нагнетающий повтор «Кресты, кресты...», завершающийся многоточием, обещающим бесконечное множество этих «знаков беды», усиливают чувство предельного эмоционального напряжения, граничащего с отчаянием. И «Я больше не могу!» в начале последней строфы глубоко оправдано психологически. «Не могу» без конкретизирующего инфинитива выражает значение полной невозможности и дальше оставаться в плену нахлынувших «видений» прошлой и сравнительно недавней истории Отчизны. Спасительный жест («Я резко отниму от глаз ладони») возвращает лирического героя к солнцу, свету, тишине и покою мирной действительности.

Для стихотворения характерна тщательная продуманность композиции. Оно состоит из четырех восьми- и девятистрочных строф пятистопного ямба, обособленных не только обычными пробелами, но и многоточием, завершающим каждую строфу и как бы заполняющим удлиненные паузы внутренними раздумьями лирического героя. Важную роль играет, думается, и графическое выделение в особую строку эмоционально напряженного повтора «Кресты, кресты...». Это тоже своеобразный поэтический жест: лирический герой медленно, сдерживая нарастающее в душе чувство отчаяния, окидывает взором бесконечный ряд крестов — этих молчаливых свидетелей людской беды. И кажется, что нельзя интонационно сливать эту строчку ни с предыдущей, ни с последующей строфой: исчезнет необходимая пауза, в течение которой окончательно созревает в душе лирического героя горькое осознание — «Я больше не могу!».

Формальное деление стихотворения именно на четыре строфы в содержательном плане четко отражает ход грустных размышлений поэта и связанную с ним смену чувств и настроений.

Первая строка стихотворения передает светлое чувство радости жизни: «Взбегу на холм и упаду в траву». «Взбегу», единственно возможное здесь, — это полная сил молодость, порыв, энергия; холм, покрытый свежей, зеленой травой (в другую вряд ли захочется упасть), — это близость к солнцу, это тепло и ласка природы. Не случайно в таких «зачинах» многих зрелых стихов поэта видит В.В. Кожин — глубокий знаток творчества Н.Рубцова — «как бы предельно краткие стихотворения, подчас замечательные уже сами по себе», а «по своей весомости сравнимые с прологом или начальной главой романа»³.

Эмоциональным настроением эта строка перекликается с последней строфой, образуя кольцевую композицию произведения. Здесь несколькими штрихами поэт создает выразительную, полную гармонию, чарующую картину мирной жизни:

...смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —
бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

Кони, пасущиеся в поле, издавна служили в народной поэзии символом мира, спокойствия, вольности.

Творчески используя этот символ, Рубцов подчеркивает его значение эпитетом *стреноженный*. (Треножить — значит связывать путями обе передние ноги животного с третьей или только передние ноги. — См. СОШ.) И верно: никому в голову не придет стреножить коней в беспокойной, тревожной обстановке. (Именно в таком обновленном виде и с такой же художественной задачей этот символ был использован поэтом уже в одном из ранних стихотворений — «Деревенские ночи», 1953.)

Значение «спокойный, лишенный тревог» несут в себе и наречие *смирно*, и несколько неожиданный на первый взгляд эпитет *медленное ржанье* (*медленный* — «неторопливый, неспешный», то есть *спокойный*).

Не нарушает царящих вокруг тишины и покоя и далекое (но слышное в тишине!) эхо, откликнувшееся на спокойное ржанье коней.

Композиционной основой произведения служит контраст между «видениями» прошлого и реальностью, которая смягчает мрачные предчувствия лирического героя, как бы совсем отдавая прошлому ситуацию, хотя конкретизированную деталями, но в контексте стихотворения получившую отчетливое символическое значение.

Альтернативой «грозному раздору» звучит мотив тишины и покоя в четвертой, заключительной строфе.

Накопление эпитетов в последних строчках (*бессмертных, спокойных звезд безбрежное мерцанье*) настойчиво утверждает мысль о вечном сиянии звезд в небе над Русью, спокойных звезд. А в конце творчества Рубцова слово *спокойный* подчеркнуто сближается с синонимичным прилагательным *миролюбивый*.

Таким образом, на протяжении стихотворения не раз меняется эмоциональная тональность речи, отражая смену чувств и настроений лирического героя. В связи с этим по-разному читается и ставшая крылатой строка «Россия, Русь! Храни себя, храни!». Если в контексте третьей строфы, с предупреждающим «Смотри, опять в леса твои и доли...», — это — императив, адресованный в будущее, то после просветленного финала четвертой в повелительной форме глагола несовершенного вида *хранить* своеобразно сочетается значение реального действия, которое происходит в момент речи, и значение желательности его продолжения. «Это происходит, и пусть это продолжается» — так примерно можно передать значение этой формы⁴. Однако условия контекста и двукратный лексический повтор усиливают волевое начало в повелительной форме, которая приобретает характер страстного заклинания. А если принять во внимание, что звучит оно сразу после клятвенного «Люблю навек, до вечного покоя...», то прочтется в нем великий, святой завет потомкам...

Хочется закончить замечательным высказыванием поэта Глеба Горбовского, чьи слова вынесены в заглавие статьи: «Поэзия Николая Рубцова несет в себе мощный нравственный заряд, она, эта поэзия, способна не только воспитывать в человеке чувства добрые, но и формировать более сложные духовные начала. ...И спасибо ему от нас запоздалое за красоту и пронзительность этой поэзии, спасибо ему за любовь его земную, неопалимую»⁵.

В статье использованы фотографии Аркадия Елфимова

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В кн.: РУБЦОВ Н. Стихотворения. — М., 1983. — С. 16.

² ПЕДЕНКО С. Самая жгучая связь // Рубцов Н. Звезда полей: Собр. соч. — М.: Воскресенье, 1999. — С. 19.

³ КОЖИНОВ В.В. Николай Рубцов: Заметки о жизни и творчестве поэта. — М., 1976. — С. 55–56.

⁴ См.: КОВТУНОВА И.И. Поэтический синтаксис. — М., 1986. — С. 119–121.

⁵ Воспоминания о Рубцове. — Архангельск, 1983. — С. 97.